

Романтик

— Игорь Александрович, к множеству ваших звонких титулов и почетных званий можно, вероятно, прибавить еще один — неутомимый путешественник. Если заглянуть в прошлое, какое из них было самым экзотическим?

— Вспомню свою первую поездку в Таджикистан, когда он только стал так называться, — до этого это была автономная республика при Узбекистане. 30-й год. Правительство Таджикистана обратилось к Большому театру, где я тогда работал, с просьбой выделить людей, чтобы создать и подготовить Всетаджикский слет народного творчества. Большой театр направил туда меня, мне было 24 года.

— Совсем юноша.

— Этот юноша был балетмейстером Большого! Можно записать в Книге рекордов Гиннесса. Возникла экзотическая поездка. Вначале был слет в Сталинабаде: Душанбе только переименовали. Знаете, что значит "Душанбе"? Понедельник! Потому что по понедельникам там были ярмарки. Сам фестиваль — подлинная экзотика. Я возжелал после этого фестиваля попутешествовать по стране. Меня принимал предельно наивный, даже примитивный представитель местной власти. Говорил он очень высоким голосом, ходил во френче. Носил чалму и рисовал красное пятно на лбу. За это его, видно, потом большевики и расстреляли. Абсолютный ребенок. "Вы действительно хотите в горы?" — спросил он меня. И дал трех ослов и проводника: с ослами легче пробираться по кручам. А нам при-

торые термины, о которых я понятия не имел... И тут же мне показывал. А я на экзамене это впервые в жизни делал. Держало экзамен человек тридцать. А приняли только трех — Асафа, меня и еще одного юношу. Его Величество Случай привел меня в балетную школу. Дальше уже пошла инерция.

— В американских триллерах бессмертные герои заряжаются энергией при определенных героических обстоятельствах. К каким энергиям вы прикасаетесь, чтобы сохранить свою молодость и свежесть чувств?

— Я никак не могу разобраться. Думаю, любящая энергия объясняется прежде всего любовью. Любовью к чему-то, к кому-то, желанием чему-то следовать. Бывает любовь эгоистическая, бывает любовь жертвенная. Когда я люблю деньги — я люблю для меня. Любовь к женщине диктуется желанием ею обладать. А любовь жертвенная — от желания себя отдать — для Нее. Настоящая любовь — любовь жертвенная, когда человек готов целиком себя отдать Родине, музыке, танцу, кино и так далее. Такая любовь плодотворна — когда отдаешь себя. И вот следствием такого чувства стал мой ансамбль. Его истории уже 59 лет. Я как постановщик танцев не получил ни копейки. Я получаю только зарплату как руководитель ансамбля. Если бы теперь я предвзял счет за все свои постановки, сложилась бы космическая сумма. Другие бы восстали. Ни один музыкант не станет писать вам музыку бесплатно. Но я придерживаюсь формулы восточного мудреца Лао Цзы: "Созидай и не обладай; трудись, не ища выгоды, добейся цели и не гордись". Самое большое удовлетворение художник должен полу-

чить что-то было от народного пророка. Он заступался за многих, незаслуженно забытых и безвинно репрессированных.

— Ваши близкие избежали репрессий? Судьба вас хранила?

— Я был полтора года лишенцем, потому что я — сын дворянина. Быть лишенцем — это уже шаг к лагерям. А мой отец жил на соседней улице и лишенцем не числился, правда, он без конца высылался. Ему повезло, что его начали преследовать как дворянина очень рано. Тогда еще за это не расстреливали, а давали "минус 6", "минус 8". Знаете, что это такое?

— Нет.

— Это значит, нельзя жить в 6 или 8 больших городах. Он был адвокатом, заступался за тех, кого преследовали. Как законник старой закалки он вмешивался в дела арестованных. Ему говорили: "Не суй свой нос". А он не мог понять происходящего, потому что был воспитан на понятии права. И не приучен к бесправию. И тогда его арестовали и выслали. А случись это в 37-м или позже, его за это расстреляли бы. Потом еще раз выслали. И он, блестяще образованный человек, решил поменять профессию. Он по-французски и по-английски говорил так, что французы и англичане его принимали за своего соотечественника. Он стал преподавать языки. И это его спасло...

— Вы не входите в современное дворянское сообщество — Союз потомков?

— Не-ет. Не вхожу. Я не княжеского рода. Мы из мелкопоместных дворян Орловской губернии, деревни Верхотполье. Я вообще считаю: гордиться надо своим содержанием, а не внеш-

гда можно ошибиться: детство — обманчивый период, талант не сразу обнаруживает себя.

Главное —

не позволить лишнего

— Игорь Александрович, страшно интересно: придерживаетесь ли вы особого мнения, чтобы не растолстеть и быть всегда в форме и норме?

— Меню заключается в отсутствии обжорства. На ночь никогда не ем. После обеда я пью чай уже пустой. Никогда не ужинаю. Изредка на приемах где-то. И то больше делаю вид, держу бокал, но не пью.

— Вы, наверное, вообще в этом деле себе ничего не позволяете?

— Абсолютно. За целый год я могу позволить себе чуть-чуть выпить 2–3 раза.

— А как вы относитесь к лекарствам? Не любите?

— Не люблю. Люблю все естественное. И каждый человек, по-моему, должен так себя вести.

Милая и добрая Ирина Алексеевна, жена Игоря Александровича, рассказала о ежедневном ритме, которому почти неизменно следует мастер: встает от 6 до 8 часов. Делает очень большую гимнастику: и силовую, и для ног, и для дыхания, даже следует восточным системам: все-все подчинено работе, чтобы прийти в ансамбль в нужном тоне. Завтрак легкий, но калорийный — разные каши: геркулесовая, манная, гречневая, но рисовую не ест. День — творог, может съесть 2 яйца всмятку. Стакан крепкого свежего чая с вареньем. Мясо на столе бывает не больше раза в неделю — котлеты и жареное. Иногда курица. Овощи — морковные, капустные котлеты, цветная капуста. Капуста кислая, свекла. Часов в 6 вечера он пьет кофе с печеньем или вафелькой. На ночь — фрукты. И. А. никогда не курил.

— Игорь Александрович, ваш внук Владимир Моисеев — солист Большого балета. На ваш взгляд, как он танцует?

— Он неплохой танцовщик.

— В его становлении вы принимали участие?

— Мало. Дело в том, что я с его бабушкой, моей бывшей женой, разошелся еще до рождения Володи. Он рос в другой семье. Кровь одна, а воспитание — другое... Он неплохой парень. И едва ли я там был большим авторитетом, хотя расстались мы по-хорошему. Я ушел — в чем был...

— А ваша дочь Оля работает у вас?

— Да, она преподает. Ассистент.

— Что больше всего цените в женщине?

— Душевность.

— А в мужчине?

— Объективность. Это дается труднее всего.

— Какую роль в ваших эмоциях вы отводите женщинам?

— Я никогда "голубым" не был. Я счастлив тем, что в любви к женщинам обладал чувством меры и не злоупотреблял своими возможностями.

— Что вы не прощаете?

— Подлость. Предательство, с чем часто приходится встречаться.

— На репетициях вы тиран?

— Это не тирания, а разумное властвование.

— У вас есть секрет долголетия?

— Повторюсь — он в любви к главному делу жизни... Но, как ни хитрились, пора думать о вечном. Я об этом стихом сочинил:

Да, время гонит нас вперед,
И торопиться мы должны.
Но скоро на часах моих
Две стрелки будут не нужны.

Игорь Александрович произнес эти печальные строки спокойным ровным голосом. А мне вспомнился рассказ балетного критика Елены Луцкой о вечере, посвященном 70-летию творческой деятельности Моисеева. Светлана Безродная подошла к нему со скрипкой и заиграла танго. Игорь Александрович встал и протанцевал с ней несколько па. И весь его ансамбль вскопился — так это было хорошо.

— Я слышала, что в столицах мира вы своих артистов сами водите по картинным галереям, рассказываете о художниках увлеченнее гидов.

— Я ведь по образованию искусствовед. Водил и по Лувру, и по Прадо — и всюду. Но, к сожалению, не все дорастают до понимания искусства.

— С кем из западных деятелей искусства вы дружили?

— С Луи Арагоном, с его женой Эльзой Триоле... с Ренато Гуттузо.

— Игорь Александрович, у вас есть дача?

— Знаете, я 16 лет строю не дачу, а квартиру, в четырехквартирном кооперативном доме ВТО. И никак не могу завершить — не хватает денег всегда.

— Казалось бы, Игорь Моисеев все может.

— Откуда? Я живу на зарплату. Есть такое проклятье (говорит сквозь смех): "Чтоб ты жил всю жизнь на одну зарплату". Не могу достроить!

16 лет мы преодолевали искусственные препятствия, чтобы получить разрешение на строительство, чтобы получить землю и так далее. Стены поставили. Внутренние работы пришлось на дороговизну. Сами знаете, во что это вылетает. То воду нельзя получить, то газ... Сейчас более-менее достраивается. Но еще надо доставать столы, кровати. Сумасшедшие деньги нужны.

Когда-то была у меня дача в Крыму. Оставил я ее бывшей жене...

— Игорь Александрович, что бы вы пожелали молодым читателям "МК"?

— Приобрести духовность. Истоки высокие свершений идут из глубины сердца. Все остальное от дьявола.

— Поверьте, если бы это было возможно, то множество ваших поклонников захотели бы лично выразить вам свое восхищение вашим подвижническим служением искусству. И надежду, что вы еще долго послужите любимому танцу.

— Спасибо на добром слове.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Вся жизнь —
танец любви

Слава ничего не изменила в нем. В свои 90 он красив, элегантен, хотя элегантность Артиста особого свойства: все скромно, но полно достоинства. Он доступен, оживлен, от внешнего мира не отгораживается.

Спрашивая у танцовщиков, какими словами они могли бы мгновенно охарактеризовать своего Учителя.

— Он самый интересный, самый умный человек, так я думаю, — сказала, смущаясь, Кармелла из американского Санкт-Петербурга.

— Выдающийся, талантливейший человек. Это дано ему от Бога...

— Фанатик своего дела...

— Гений Танца...

— Экспрессивный, настойчивый и требовательный...

— Вечно молодой...

— Таких в мире больше нет.

шлось идти по почти непроходимым тропам. Я оказался с проводником, который абсолютно не говорил по-русски. Объяснялись жестами. Опасности подстерегали нас на каждом шагу. Над бурной рекой Пяндж, которая ворочает вот такие камни, на высоте в километр, недалеко от афганской стороны, нас обстреливали басмачи. Пули к высоте ослабевают — на излете. Но могут и подстрелить... Вот в таких условиях нам предстояло путешествовать. Если я цел до сих пор, то нас хранил Бог. Спасибо Всевышнему...

Приходишь в сожженный кишлак. Против сельсовета — огромный столб. На нем висят какие-то ошметки. Спрашиваю: "Что это такое?" Отвечают: "Да-а! Вчера были басмачи. И казнили "краснопалочников". Так называли крестьян, которые были на стороне советской власти. А казнили их так: ударом сабли разрезали живот, вытаскивали кишку, прибавляли гвоздем к столбу и саблями гнали до тех пор, пока человек не терял сознание. Приди я на полдня раньше, меня как представителя Москвы ожидала бы такая же участь."

— Да, вы поистине родились в рубашке... А был ли в вашем детстве некий знак, который предсказал вашу судьбу, — и вам осталось только идти за стуком каблучков Терпсихоры?

— Нет. Такого не было. Моя склонность к искусству объясняется тем, что я, по-видимому, по своей природе — натура художественная. Поскольку я воспринимал мир образно, я мог стать и художником, и режиссером, — кем хотите. А уж куда меня судьба ткнула, там я и распутился.

Мама моя французка. И полурумынка. Отец чисто русский дворянин. Такой у меня коктейль. Матушка в Париже была модисткой. Отец только после лица приехал в Париж. И влюбился... Я родился уже в Киеве... Я по-французски — как по-русски говорю.

— А родители сыграли свою роль в выборе вашего пути?

— Мне было четырнадцать лет. Для хореографии было уже поздно. В школу Большого театра принимали с 8 лет. Но в связи с революцией в Большом сложилась трудная ситуация. Не хватало кадров — многие артисты эмигрировали. Школа Большого театра вынуждена была впервые объявить официальный прием, которого раньше не было: обходились домашними способами — учили детей капельдинеров, артистов, рабочих сцены.

Мой отец — юрист по образованию, интеллигентнейший человек, закончил факультет правоведения, Катковский лицей в Москве — туда принимали только детей дворян. Я учился в очень хорошей, самой аристократичной гимназии — Флёрвской. Она после революции развалилась. Я оказался вне общения с чем-то. Отец хотел ткнуть меня в скауты. И действительно в скауты меня приняли, но и скауты продержались неделю и были расформированы...

И я оказался нигде: болтался по двору. Не зная, куда себя девать. Это заставило отца сказать: "Ты поступил бы в какую-нибудь студию, чтобы хотя бы быть при деле. Иди в танцевальную. Кем бы ты ни стал — у тебя сохранится и осанка, и выправка... Это тебе не помешает". Привели меня в студию к Вере Ильиничне Мосоловой, бывшей артистке Большого, балерине. За учебу в студии надо было платить 10 рублей в месяц и 2 полена дров. В Москве все мерзло.

Проучился у Веры Ильиничны два с половиной месяца. Она взяла меня за руку. "Куда?" — спрашивал я. "Увидишь". Она привела меня в балетную школу и сказала: "Вот мальчик, которому я сулю большое будущее". — "Мальчик-то он мальчик, но он должен экзамен выдержать!" — "Он его выдержит!" — отвечала моя добрая фея.

Прихожу на экзамен. Рядом со мной стоял юноша постарше. Это был Асаф Мессерер. Он три года уже проучился в студии Морткина. Асаф по ходу меня "подучил" — объяснял неко-

торые термины, о которых я понятия не имел... И тут же мне показывал. А я на экзамене это впервые в жизни делал. Держало экзамен человек тридцать. А приняли только трех — Асафа, меня и еще одного юношу. Его Величество Случай привел меня в балетную школу. Дальше уже пошла инерция.

— В американских триллерах бессмертные герои заряжаются энергией при определенных героических обстоятельствах. К каким энергиям вы прикасаетесь, чтобы сохранить свою молодость и свежесть чувств?

— Я никак не могу разобраться. Думаю, любящая энергия объясняется прежде всего любовью. Любовью к чему-то, к кому-то, желанием чему-то следовать. Бывает любовь эгоистическая, бывает любовь жертвенная. Когда я люблю деньги — я люблю для меня. Любовь к женщине диктуется желанием ею обладать. А любовь жертвенная — от желания себя отдать — для Нее. Настоящая любовь — любовь жертвенная, когда человек готов целиком себя отдать Родине, музыке, танцу, кино и так далее. Такая любовь плодотворна — когда отдаешь себя. И вот следствием такого чувства стал мой ансамбль. Его истории уже 59 лет. Я как постановщик танцев не получил ни копейки. Я получаю только зарплату как руководитель ансамбля. Если бы теперь я предвзял счет за все свои постановки, сложилась бы космическая сумма. Другие бы восстали. Ни один музыкант не станет писать вам музыку бесплатно. Но я придерживаюсь формулы восточного мудреца Лао Цзы: "Созидай и не обладай; трудись, не ища выгоды, добейся цели и не гордись". Самое большое удовлетворение художник должен полу-

чить что-то было от народного пророка. Он заступался за многих, незаслуженно забытых и безвинно репрессированных.

— Ваши близкие избежали репрессий? Судьба вас хранила?

— Я был полтора года лишенцем, потому что я — сын дворянина. Быть лишенцем — это уже шаг к лагерям. А мой отец жил на соседней улице и лишенцем не числился, правда, он без конца высылался. Ему повезло, что его начали преследовать как дворянина очень рано. Тогда еще за это не расстреливали, а давали "минус 6", "минус 8". Знаете, что это такое?

— Нет.

— Это значит, нельзя жить в 6 или 8 больших городах. Он был адвокатом, заступался за тех, кого преследовали. Как законник старой закалки он вмешивался в дела арестованных. Ему говорили: "Не суй свой нос". А он не мог понять происходящего, потому что был воспитан на понятии права. И не приучен к бесправию. И тогда его арестовали и выслали. А случись это в 37-м или позже, его за это расстреляли бы. Потом еще раз выслали. И он, блестяще образованный человек, решил поменять профессию. Он по-французски и по-английски говорил так, что французы и англичане его принимали за своего соотечественника. Он стал преподавать языки. И это его спасло...

— Вы не входите в современное дворянское сообщество — Союз потомков?

— Не-ет. Не вхожу. Я не княжеского рода. Мы из мелкопоместных дворян Орловской губернии, деревни Верхотполье. Я вообще считаю: гордиться надо своим содержанием, а не внеш-

Игорь Александрович и его жена
Ирина Алексеевна. 1991 г.

Гастроль, гастроль

— Игорь Александрович, мне рассказывали, что вы прекрасный шахматист. Приходилось ли вам сидеть за шахматной доской с кем-то из знаменитостей?

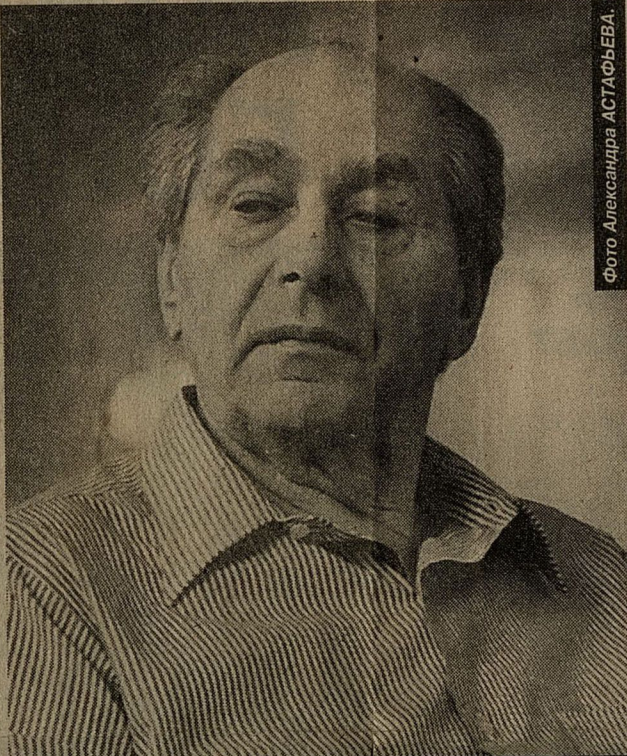
— Не на турнире, конечно. Со многими. Играл с гроссмейстером Котовым. Со многими мастерами. С Фишером даже. Ему было тогда 16 лет, но он уже славился своей игрой.

— А позже не приходилось с ним встречаться?

— Он же стал скрываться. Живет изолированно. Он же фанатик!

— С кем из литераторов водились?

— Мы были большими друзьями с Андрониковым. Смерть Ираклия Луарсабовича — большая потеря для меня. Мы как-то совершенно органично, естественно подружились в одну минуту. Это действительно была дружба чистая, без всякой эгоистической заинтересованности — одно удовольствие от взаимного общения. Другим таким другом был Сергей Сергеевич Смирнов, автор "Брестской крепости". Милейший человек! Он был исключительно доброжелательным. В

Игорь Моисеев:
"Спасибо Всевышнему —
я цел до сих пор"

ними какими-то атрибутами.

— Вы недавно были в Америке. Как вас принимали? Слух прошел, вы были отмечены там наградами?

— Да, полтора месяца танцевали во многих городах, в оперных театрах. С полным аншлагом. Я получил высокую награду. Они сделали великолепный символ русско-американского сотрудничества по культуре — он еще не приехал, едет с нашим багажом. Это мировой глобус, на котором возвышается танцующая бронзовая пара. У музыкантов — другой символ на глобусе. Сейчас и американцам стало труднее с деньгами, и с публикой. Сейчас вся мафия Европы хлынула туда, и наша точная яма потекла в Америку. Мне вручили в Америке ассоциативную — не государственную — награду, орден. А для меня он ценен тем, что его имеют только три человека: Прокопович, Ван Клиберна и я. На вручение мне этого ордена Ван Клиберна приехал из Нью-Йорка во Флориду, чтобы поздравить.

— Перебирая свои долгие годы, о каком мгновении вы могли бы воскликнуть, как Фауст: "...продлись, постой!"? Куда вас чаще уводит воспоминания?

— К сожалению, это невозможно. Но я хотел бы возвратиться к началу создания ансамбля... Я себя всего отдавал, сгорал на этой работе. Только то, что рождается на высоких эмоциях, имеет право на жизнь.

Тот и выживал, и все преодолевал.

— Не случилось ли вам, Игорь Александрович, быть к кому-то несправедливым, о чем вы потом сожалели?

— Но чтобы это носило грубые формы, такого не было. Но, может быть, я ошибался в оценке кого-то из учеников. С кем не бывало?

— Станиславский вначале не признал, допустим, Москвина, а потом считал себя перед ним виноватым. Даже Качалов с трудом был принят. Бывало и у меня, когда я на экзамене кого-то недооценил.

Но я человека грубо не могу обидеть. Случалось, я кого-то не принимал в школу, а потом они оказывались способными и приходили в ансамбль уже со стороны. Вообще со школой все-

1908 год.

славский вначале не признал, допустим, Москвина, а потом считал себя перед ним виноватым. Даже Качалов с трудом был принят. Бывало и у меня, когда я на экзамене кого-то недооценил. Но я человека грубо не могу обидеть. Случалось, я кого-то не принимал в школу, а потом они оказывались способными и приходили в ансамбль уже со стороны. Вообще со школой все-